

К. Г. Тимофеева
В ПОИСКАХ ЕВРАЗИИ

Kaiser M. (Hg.) Auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa. Bielefeld: transcript Verlag, 2004. — 397 S. (В поисках Евразии: политика, религия и повседневная культура между Россией и Европой / Под ред. М. Кайзера. Билефельд: Transcript, 2004).

Развитие понятия «Евразия» в XX в. можно трактовать как путь из мировоззрения и философии (1920-е гг.) через науку (прежде всего в работах Л.Н. Гумилева) в политику и идеологию (с конца 1980-х гг.). Возрождение этого понятия в общественной и научной дискуссии сегодня обусловлено, с одной стороны, конкретным событием, а именно, распадом Советского Союза. Целый макрорегион стал открытым для взаимодействия, для противостояния интересов и, что немаловажно, просто для изучения. Кроме того, распад советской системы в целом поставил перед новыми государствами и их гражданами вопрос о собственной идентичности, и у многих появился интерес к понятию Евразии как к смыслообразующей конструкции. Достаточно вспомнить недавнюю книгу Александра Дугина «Проект Евразия», в которой жителям этого региона даются совершенно конкретные «рекомендации», кем себя следует ощущать в первую очередь, а кем — в последнюю.

С другой стороны, Евразия стала популярной категорией геополитики. Представители евразийства оказывают влияние на реальную политику и в России, и в бывших советских республиках. Ангажированность авторов здесь очевидна и оправдана правилами политического дискурса. Названия говорят сами за себя: «Похищение Евразии» Ю. Болдырева, «Сердце Евразии» Н. Назарбаева, уже упомянутая работа Дугина... Здесь нет «истинного» понятия Евразии, однако уже его востребованность и многообразие трактовок — благодатное поле для социологического исследования.

Авторы рецензируемого сборника подходят к явлению Евразии как бы с двух сторон. Первые две части сборника посвящены Евразии как конструкту (политическому, научному, идеологическому), а последующие части наполняют этот конструкт конкретным социологическим содержанием, т. е. анализируются социальные процессы, структуры и явления в макрорегионе Центральной Азии, и уже самому читателю предоставляется судить, действительно ли это единый регион, или нет. Составители сборника отвечают

на этот вопрос утвердительно, однако не остаются без внимания также противоречия и проблемы межкультурной и межэтнической коммуникации.

Сборник открывается статьей *Рюдигера Корфа* «Где находится Европа?». Рассматривая Европу как идейный конструкт, автор видит свою задачу в деконструкции. Отвергнув идею «объективного» (культурного, религиозного, политического) единства Европы, Корф обращается к идее борьбы за господство и выделяет четыре региона: латинизированная традиционалистская Европа, славянская Европа, протестантская Европа и латинизированная рационалистическая Европа. У каждого региона свои способы борьбы за различные виды господства, однако ни одному из них, по мнению автора, так и не удалось достичь окончательной гегемонии. Европа остается местом пересечения различных течений, возникающих в каждом из четырех регионов. Модернизация как современное европейское течение, по мнению Корфа, также не смогла преодолеть ее плюралистичности, поскольку затронула не весь континент и не все сферы жизни.

Таким образом, Корф не дает своего ответа на вопрос «где находится Европа?», а открывает дискуссию о многомерных конструктах, таких как Европа, Восток, Евразия.

Региональная интеграция между Европой и Азией — тема следующей статьи: *Ханс-Дитер Эверс, Маркус Кайзер* «Евразийские трансреалии: наследие шелкового пути». В результате распада СССР и возникновения самостоятельных государств в Средней Азии стало возможным возобновление сообщения между Европой и Азией, что, по мнению авторов статьи, привело к формированию евразийского макрорегиона. Этот процесс анализируется в нескольких измерениях: экономическом (торговля), социально-структурном (формирование среднего класса), этническом, религиозном, культурном, политическом. Кроме того, процесс интеграции прослеживается на макроуровне (инвестиции, строительство газо- и нефтепроводов, политические соглашения) и на микроуровне (территориальная мобильность индивидов с целью торговли, паломничества). Вывод, к которому приходят Кайзер и Эверс, заключается в том, что в результате интенсивных взаимодействий в евразийском регионе возникают транслокальные и транснациональные сети, общности и идентичности. В этом контексте рассматривается также феномен «трансмигрантов», которые, оставаясь единым сообществом, также поддерживают связи с родственниками, партнерами и друзьями в двух и более странах. В завершающей части статьи предлагается обзор существующих концепций Евразии и сценариев возможного развития. В некоторой мере эта часть призвана восполнить существующий пробел в теоретическом осмыслении процессов интеграции, но она имеет также и практическое значение, поскольку, по мнению Эверса и Кайзера, именно недостаточная концептуализация Евразии препятствует большей фактической интеграции данного региона.

Статья *Маркуса Кайзера* «Постсоветская Евразия — измерения символического и реального освоения пространства»* продолжает тему идентичностей и культуры, не привязанных к территориям национальных государств,

* В русском варианте: Кайзер М. Евразия: социальная реальность или миф? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4 (20). С. 40–58.

а формирующихся из различных контекстов. В контексте геополитики и дипломатического дискурса в статье анализируются ориентации и цели бывших советских республик в Средней Азии, а также использование концепции Евразии для реализации этих целей. О возрождении евразийского дискурса, по мнению автора, свидетельствует амбивалентное отношение к Западу, противопоставление европейских и азиатских ценностей. Однако, в отличие, скажем, от подхода Хантингтона, критический анализ которого также проводится в статье, основная идея излагаемого Кайзером подхода заключается в том, что между Европой и Азией нет мировоззренческой или культурной пропасти, а есть интеграция на больших пространствах. Поэтому интерес автора статьи направлен на те факторы, которые способствуют интеграции среднеазиатского региона: на связи между новыми независимыми государствами и открытость рынка, развитие инфраструктуры, индивидуальную мобильность, экономическое взаимодействие на микроуровне, расширение сети Интернет и телекоммуникаций.

Следующий раздел сборника посвящен истории возникновения, влияния и развития евразийства как научной теории и политической ориентации. Евразийство никогда не было достоянием исключительно кабинетных ученых. С момента выхода в свет основополагающего труда Н. Трубецкого «Европа и человечество» евразийство воспринималось как идейная основа мобилизации и интеграции, а порой и как прямое руководство к действию. Политическое и идеологическое значение этого направления мысли еще больше возросло после распада Советского Союза в рамках так называемого «неоевразийства». Поэтому во введении *Маркуса Кайзера* ко второй части сборника особенно интересным представляется анализ политического измерения неоевразийства (отношение власти к данному течению, идея Назарбаева о создании «Евразийского Союза» как альтернативы СНГ, «Евразийская партия»), а также сконструированный на основе личных наблюдений и бесед образ избирателя, голосующего — при определенных условиях — за представителей неоевразийства.

Статья *Штефана Видеркера* посвящена основателю идейного течения «неоевразийства» Александру Дугину. Метод, который использует Видеркер, — это реконструкция интеллектуальной биографии Дугина. Анализируя особенности подхода Дугина к классическому евразийству 1920-х гг., автор приходит к выводу, что они обусловлены той последовательностью, в которой Дугин осваивал идейные истоки неоевразийства — геополитику и традиционализм. То, что в обоих случаях Дугин сначала знакомился с западными теориями и лишь затем обращался к евразийству русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами, объясняет, в частности, то, что врагом номер один Дугин объявляет США и именно в них видит угрозу культурному и политическому многообразию мира, тогда как классическое евразийство направлено, прежде всего, против «романо-германской Европы».

Несмотря на оригинальность и аргументированность тезиса Видеркера, подобное видение становления неоевразийства представляется нам односторонним, поскольку учитывает лишь идейные источники и не учитывает, безусловно, изменившиеся геополитические реалии.

Статья Владимира Козловского посвящена истории евразийского движения с момента его возникновения, т. е. с центральной работы Н. Трубецкого «Европа и человечество». За искаженными интерпретациями и выводами автор прослеживает тот смысл, который сам Трубецкой вкладывал в свою работу, опираясь при этом в том числе на его письма к единомышленникам. Также подробно рассматривается вклад П. Савицкого в евразийское движение. Очевидно, что его концепция «месторазвития» как взаимопроникновения ландшафта, культуры и народа близка составителям сборника, именно так трактуемым среднеазиатский макрорегион. Развитие и кризис евразийства анализируются В. Козловским не только с точки зрения внутреннего движения идеи, но и в историческом контексте, т. е. с точки зрения условий жизни и задач русской эмиграции, в частности, необходимости сохранить сплоченность русской диаспоры в католической Европе.

Особый интерес и важность для понимания сегодняшней ситуации, на наш взгляд, представляют два момента, связанных с последним, кризисным этапом классического евразийства. Это, во-первых, провокационная операция ГПУ «Трест», которая является показательным примером инструментализации евразийства внешними силами, в данном случае советской властью. Второй момент связан с расколом евразийского движения, который по времени совпал с началом его институционализации. С момента создания Совета и политбюро Евразийской Организации (1925–1926) до ее официального роспуска (1930) прошло всего несколько лет. Напрашивается вопрос, сможет ли сегодня неоевразийство утвердиться в качестве единой политической силы, или же оно останется идейным течением, которое в разных трактовках будет использоваться разными политическими движениями (как, например, сейчас Евразийской партией России Ниязова или общественно-политическим движением Дугина).

Авторы следующей статьи М. Кайзер и М. Кляйнеберг* склоняются ко второму варианту: «Вокруг основной мысли существуют ... абсолютно различные интерпретации евразийства, что не позволяет говорить о какой-либо законченной политической программе». Статья «Евразия — фантом или реальная модель развития России» представляет собой своеобразный «переломный момент» сборника, с которого начинается преимущественно эмпирическая часть. В самой статье сопоставляются эмпирический и политико-идеологический взгляд на евразийство. Такое сопоставление вполне оправданно. Ведь если обратиться к Программе Международного Евразийского движения, то мы увидим, что оно позиционирует себя не только как «мировоззренческая платформа», но также претендует на то, чтобы «выдвигать новаторскую творческую систему классификаций и категорий, преодолевающую привычные клише» (www.evrazia.org). Фактически же эмпирический и идеологический векторы расходятся, что свидетельствует о непригодности евразийских концепций для содержательного эмпирического анализа. Авторы статьи анализируют несколько вариантов евразийства и их влияние

* Русский перевод статьи опубликован в «Журнале социологии и социальной антропологии». 2003. Т. VI. № 4.

на государственную политику и полагают, что все они «застревают» на уровне идеологии и геополитических амбиций и равно далеки от понимания фактической интеграции евразийского региона. Анализируя положение и роль России в интеграционных процессах, авторы приходят к выводу, что государственная политика не отвечает требованиям интеграции, а в отдельных вопросах прямо препятствует ей (оборонно-политические мотивы преобладают над прагматическими в отношениях с Китаем, что отрицательно влияет на развитие внешнеэкономических связей; исламофобия в политическом дискурсе и СМИ препятствует включению российских мусульман в транснациональный ислам).

Завершает вторую часть сборника небольшая статья *Елены Степановой* «Европа versus Азия: внешняя политика России в поле противостояния культур». Статья посвящена поиску идентичности России через определение своего отношения к другим странам и регионам. Выделяя несколько ориентиров во внешней политике России после 1990 г., автор высказывает важную мысль о возможной изоляции в связи с поиском «особого пути» и проводит параллели с ситуацией в Германии 1920-х гг., когда интенсивный поиск идентичности вылился в радикализацию внутренней и внешней политики. Правда, не совсем понятно, на каких принципах основывается Е. Степанова, выделяя четыре модуса, повлиявших на внешнеполитические ориентации России. Здесь реально проводившаяся политика Андрея Козырева соседствует с «русской идеей» и неоевразийством, представленными в государственной политике скорее на уровне риторики.

Третья часть сборника включает результаты исследований об идентичности, этничности и религии в евразийском регионе. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия православия и ислама. Сам по себе вопрос сосуществования разных религий стал чрезвычайно актуальным в контексте глобализации. Также и с точки зрения развития евразийства эта проблема требует осмысления и эмпирического изучения. Ведь только неоевразийство признало мусульманские народности полноправными носителями евразийской цивилизации. Как сами представители этих народов видят свое место в мире? Как они себя идентифицируют? На эти вопросы авторы статей пытаются ответить на основании эмпирических исследований.

Наталья Гончарова в своей статье, основанной на материалах интервью (1996–1999), рассматривает разные аспекты самоидентификации мусульман в Татарстане и Дагестане и их ориентации на интеграцию или на автономию. В качестве индикаторов выступает отношение к русскому населению, к исламу и исламизации политики, отношение к ваххабитам и к чеченскому конфликту. При этом результаты исследования вносят существенные коррективы в общие тезисы евразийства. Так, очевидно, что «общность судьбы» может оцениваться как положительно, так и отрицательно, и, наверное, только идеологи евразийства готовы принять ее как «данность». Память о гонениях на национальную культуру и религию является одним из факторов, обуславливающих сецессионные настроения, в частности, в Татарстане, а также сочувствие движению за независимость в Чечне, которое имеет место в обеих республиках. С другой стороны, суждения о перспективах независимости свиде-

тельствуют о важности прагматичных мотивов (экономическое положение в республиках, предотвращение межэтнических конфликтов) не только у политиков, но и у простых граждан. Интересными с этой точки зрения представляются высказывания жителей Дагестана, которые демонстрируют высокий уровень осознания особенностей и опасностей мультиэтнического общества. Однако оценка данных регионов как в целом бесконфликтных представляется завышенной. Особенно это касается Дагестана. Цитаты из интервью о «чуждом отношении» к русским (С. 227) как единственное подтверждение высокой интегрированности русских в дагестанское общество выглядят не очень убедительно на фоне массового исхода русского населения из Дагестана (около 20 тысяч за четыре года, 2001–2005)*. Также, на наш взгляд, занижается значение других направлений ислама в Дагестане (помимо школы шафиитских законников), в том числе радикальных.

Более комплексный и дифференцированный анализ ситуации в Татарстане и Дагестане представлен в статье *Х. Шрадера, Н. Скворцова и Б. Винера*. Она посвящена роли ислама и тюркских языков как интегрирующего элемента в процессах формирования идентичности, а также в сепаратистских ориентациях Дагестана и Татарстана. Придерживаясь конструктивистского подхода к изучению этничности и идентичности, авторы статьи рассматривают способы инструментализации ислама и тюркской группы языков (в первую очередь в Татарстане) различными политическими и религиозными группировками. Кроме того, в анализе учитывается экономическое и географическое положение республик, история их взаимоотношений с Россией. Сильной стороной статьи является соотнесение макро- и микроуровня анализа. Так, например, факт увеличения количества мечетей и в Татарстане, и в Дагестане, повседневные религиозные практики жителей этих республик связываются с важной особенностью ислама, а именно, его влиянием на образование. При мечетях открываются школы, в которых, возможно, получает образование будущая элита этих республик. Вполне вероятно, что для нее ислам станет основным фактором мобилизации и противостояния как России, так и Западу.

Также в статье уделяется должное внимание усилению оппозиции на фоне пророссийской политики Татарстана, а также противостоянию кланов в борьбе за власть в Дагестане. Исследуемая ситуация очень комплексная и требует таких же исследовательских методов. Общий вывод, к которому приходят авторы статьи, заключается в том, что ислам — правда, по всей вероятности, модернизированный — может оказывать очень сильное влияние на процессы формирования идентичности.

Сравнительному исследованию мусульман в Дагестане и Татарстане посвящена статья *Гузели Сабировой*. В статье изложены результаты исследова-

* Конечно, большую роль здесь играют экономические факторы, однако имеют место и факты открытого «выживания» русского населения. Кратко о причинах эмиграции русских из Дагестана см., например, в статье председателя организации общества помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Набат» Алюста Азизханова (газета «Литературная Россия» от 01.06.2001. № 22).

дования 1997–1998 гг., за основу которого был взят тезис о том, что религия — это верующие. Поэтому основное внимание направлено на религиозные практики российских мусульман, влияние ислама на их повседневную жизнь и быт, на их собственные представления о мусульманской идентичности. Такой «микроподход» имеет также свои исторические причины. Дело в том, что, как показывает Г. Сабирова, при советской власти, в условиях официального запрета на религиозные практики, произошла «приватизация», локализация и этнизация ислама. Т.е. религия стала исключительно частным делом, а единство религиозных практик ограничивалось локальным уровнем или этнической группой. Сабирова анализирует причины и особенности реисламизации в постсоветский период и отмечает (как и авторы предыдущей статьи) многообразие форм, которые ислам принимает в Дагестане и Татарстане. В Дагестане наблюдаются сильные региональные, этнические и клановые различия. В Татарстане у ислама также есть «местный акцент», который вполне осознается самими мусульманами Татарстана. Ислам здесь носит более обмирщенный, но поэтому и более мирный характер.

Статья содержит очень обширный эмпирический материал (по исследованию качественными методами), кроме того, привлекаются статистические данные, что дает достаточно полное представление о самоидентификации, религиозных практиках и повседневной жизни российских мусульман сегодня.

Цель статьи *Сергея Дамберга* «Другие русские — “этническое знание” в обыденном сознании русских из Средней Азии» — проследить на основе индивидуальных «миграционных биографий» те изменения, которые произошли в общественном дискурсе и сознании россиян в связи с образованием новых национальных государств в Средней Азии. Для этого вводится категория «этнического знания» как комплекса образцов восприятия и интерпретаций, которые непосредственно влияют на действия индивидов. «Этническое знание» является всеобщим, повседневным и самоочевидным. Основной тезис автора заключается в том, что после распада Советского Союза возросло значение этого этнического знания, или, другими словами, возникло «новое этнизированное мировоззрение» (С. 310). В связи с русскими реэмигрантами этот тезис рассматривается в двух направлениях. С одной стороны, они пережили сложный момент смены систем этнической стратификации, став из привилегированной группы русских (советских!) специалистов дискриминируемыми гражданами новообразованных государств. Отсюда высокая степень этнизации их сознания, перенос своего (в основном негативного) опыта на всю этническую группу (типизация). С другой стороны, они сами, по мнению автора, стали жертвами подобных этнических типизаций, столкнувшись с неприятием со стороны «коренного» населения России. Дамберг утверждает, что для обозначения тех, кто вернулся из стран Средней Азии, «утвердился новый этноним ... “другие русские”» (С. 327). Однако не приводится никаких подтверждений широкого использования этой категории, что дает повод усомниться, что это действительно важная неэтническая, а не исследовательская категория. Из статьи Игоря Ротара («Независимая газета», 2.06.1993), которая приводится в приложе-

нии и носит название «Другие русские», видно, что основным камнем преткновения во взаимоотношениях между «старыми» и вновь прибывшими русскими являются экономические вопросы (раздел жилья, территории), а также различия в образе жизни, однако ничто не указывает на этнизированное восприятие конфликта*. Нам кажется, что исследователь здесь навязывает научные категории социальной действительности, что снижает возможности анализа.

Идентичности русских, оставшихся в Средней Азии, посвящена статья *Маркуса Кайзера* «Русские как новые меньшинства в ближнем зарубежье», которая завершает сборник. На примере Казахстана и Узбекистана автор анализирует отношения между русскими и Средней Азией. Исходной точкой здесь также является интенсивное формирование новых национальных государств и изменение этнической стратификации. На этом фоне возрастает напряженность с новым этническим меньшинством — русскими. Этническое меньшинство — это не статистическое понятие. Кайзер связывает его с понятием национального государства и внешней родины, которой в данном случае является Россия. Русские в Средней Азии не ассимилированы; они сохраняют свой образ жизни и язык. Сейчас, по мнению автора, у них только начинает формироваться этническое самосознание, восприятие как русских. Его особенностью является поддержание отношений с трансмигрантами — теми, кто вернулся в Россию. Формируется особая транслोकальная общность, понимание которой важно как в научном, так и в политическом отношении.

Подводя итоги, отметим, что сборник отличается широким тематическим охватом. Его авторы выходят за пределы круга, очерченного идеологами евразийства, и предлагают свой, социологический взгляд на феномен Евразии. Важность этого коллективного труда российских и немецких социологов заключается не только в результатах уже осуществленных исследовательских проектов, но и в указании направлений, концептуальных основ и перспектив будущих социологических исследований в поисках Евразии.

* «Другими» себя называют сами реэмигранты (С. 331), подразумевая под этим, что они им выгоднее держаться вместе и что они в лучшую сторону отличаются от остального населения России. Делая акцент на внешнем приписывании, С. Дамберг не рассматривает этот аспект самоидентификации.